

Л. Л. Ивченко

Кто выпустил Наполеона из России

25 декабря 1812 г. российские газеты опубликовали Правительственный Манифест, из которого жители России узнали “об изгнании неприятеля из пределов Отечества”. Но для солдат, офицеров и генералов русской армии война закончилась фактически уже на реке Березине в Белоруссии, где произошло последнее крупное столкновение обеих армий. “От Березины можно было считать французскую армию (la Grand Armee) как бы не существующею...” — писал один из участников битвы¹. Обстоятельством, взволновавшим умы современников, явилось то, что остаткам французских войск, оказавшимся сдавленными в кольце трех русских армий, удалось избежать неминуемого окружения, в связи с чем на Березине закончилась карьера главнокомандующего Дунайской Армией адмирала Чичагова, которого считали главным виновником военной неудачи. В России его называли не иначе как “злополучным адмиралом”, по адресу которого ходило множество эпиграмм, анекдотов, шуток и басен. Известно, например, публичное высказывание супруги фельдмаршала Кутузова: “Витгенштейн спас Петербург, мой муж — Россию, а Чичагов — Наполеона!”² Военный историк В. Харкевич, автор книги “1812 год. Березина” (Вильно, 1912), так же как и многие другие историки полагал, что “злосчастный Чичагов” стал жертвой несчастных обстоятельств, и был избран на роль “козла отпущения” только потому, что не удалось обвинить в ошибках ни генерала Витгенштейна, ни фельдмаршала Кутузова. Мнение историка не лишено оснований, хотя неудачи Чичагова не содержат в себе ничего неожиданного, их можно было предвидеть задолго до Березины. Для этого достаточно обратиться к документам той эпохи: официальной и частной переписке главных военных деятелей России 1812 года, а также к их более поздним воспоминаниям, возвращающим нас к тем далеким и драматическим событиям.

Известный военный писатель и поэт, командир одного из первых армейских партизанских отрядов Денис Давыдов указал на главную причину неполного успеха русских войск: “...Армии, которым

надлежало соединиться на Березине для совокупной атаки, были весьма разобщены и притом они не были, по-видимому, расположены, оказать деятельное содействие одна другой, вследствие неприязни и зависти, существовавшей между военачальниками; Витгенштейн не хотел подчиниться Чичагову, которого, в свою очередь, ненавидел Кутузов...”ⁱⁱⁱ

На наш взгляд, вся ответственность за несогласие среди русского командования полностью лежит на императоре Александре I. При многих достоинствах, в его характере была особенная черта: он был неуправляем в своих симпатиях и крайне злопамятен. В полной мере это испытал на себе М.И. Кутузов. “Император никогда не выносил его”^{iv}, — писал в “Записках” генерал А. Ланжерон. Он оставил одну из самых ярких характеристик фельдмаршала: “Кутузов, будучи очень умным, был в то же время страшно слабохарактерный и соединял в себе ловкость, хитрость и действительные таланты с поразительной безнравственностью. Необыкновенная память, серьезное образование, любезное обращение, разговор, полный интереса и добродушие (на самом деле немного поддельное...) — вот симпатичные стороны Кутузова”^v. Отметим, что недостатки русского военачальника, в частности, его пресловутое слабование, Ланжерон несколько преувеличивал. Скорее всего, прав историк Е. Тарле, писавший, что “перчатка у Кутузова была бархатная, но рука железная”^{vi}. Ближе к истине те, кто упрекал его в лживости и двуличии. Фельдмаршал умел постоять за себя с помощью общественного мнения. Так, дежурный генерал С. Маевский писал: “...Обво рожительный тон, дар слова и обращение Кутузова составили ему друзей в армии и даже во всей России”^{vii}. Он не боялся посягнуть на авторитет досаждавшего ему соперника, даже если это был сам царь. Именно так он рассчитался с ним под Аустерлицем, когда Александр I с молодыми друзьями отстранил старого генерала от командования, подвергая насмешкам его осторожные советы. Следствием этого было сокрушительное поражение, которого Александр не мог простить. В его царствование Кутузов четырежды отправлялся в отставку и вновь возвращался в строй, скончавшись в 1813 г. на вершине почестей. Это был последний случай, когда войска возглавлял настоящий русский барин, олицетворявший старый тип военного, любимец Екатерины II, и, как

выразилась m-me де Сталь, “придворный в Петербурге и татарин в армии”. Александр I, воспитанный республиканцем из Швейцарии Лагарпом, терпеть не мог людей этого поколения, своевольно и открыто осуждавших его либеральные взгляды. Он старался вытеснить их со службы, заменить менее талантливыми, но более послушными чиновниками. Кутузов, олицетворявший военные победы предыдущего царствования, напоминал Александру о его собственных неудачах в войнах с Францией в 1805 и 1807 годах, в которые царь так неосторожно втянул Россию. Старый полководец, в свою очередь не одобрял царя за его абстрактные стремления к общему счастью и благоденствию. Он видел в этом пренебрежение геополитическими интересами России, несовместимыми с ее благополучием. Кутузов выражал взгляды “русской оппозиции” при дворе и в армии, для противодействия которой Александр I постоянно искал “новых людей”. К их числу принадлежал П. Чичагов, являвшийся полной противоположностью Кутузову. В лице Чичагова царь встретил своего единомышленника, обеспечив ему быстрое продвижение по службе. Заметим, что Чичагов был откровенным “за падником”. Мнения о нем современников противоположны. Генерал А. Ермолов вспоминал о Березине: “Адмирал Чичагов при первом разговоре со мною высказался превосходного ума, и я чувствую с негодованием, насколько бессильно оправдание мое возлагаемых на него обвинений”^{viii}. Впрочем, известно, что Ермолов не любил Кутузова, и, может быть, по этой причине оказывал предпочтение Чичагову. Один из офицеров флота, встречавшийся с ним в кабинете Морского Министерства, так характеризовал его: “... Будучи прямого характера, он был удивительно свободен и как ни один из других Министров прост в обращении и разговорах с Государем и царской фамилией. Зная свое преимущество над знатными придворными льстецами как по наукам, образованию, так и по прямоте и твердости характера, Чичагов обращался с ними с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что был, конечно ненавидим почти всем придворным миром”^{ix}. Этот симпатичный и вызывающий сочувствие образ почти полностью перечеркивается свидетельствами опытных соратников. Здесь снова следует привести мнение генерала А. Ланжерона, отличавшегося редкой пронизательностью: “... Голова его ежеминутно изобретала новые проекты, и проекты эти, обыкновенно вздорные и

неприменимые, надо было приводить в исполнение сию же минуту... Он не имел ни одной правильной идеи и чрезмерное самолюбие не позволяло ему ни слушать, ни принимать советов...”^x Мнение Ланжерона подтверждали генералы Ламберт, Щербатов, Красовский — участники сражения при Березине^{xi}. Однако, Александр I благоволил к Чичагову и ненавидел Кутузова. По этой причине между обоими военачальниками уже произошел конфликт во время войны с Турцией. В апреле 1811 г. Кутузову удалось окружить армию Великого визиря при Слободзее, и он начал мирные переговоры, затянувшиеся из-за чрезмерных требований победителей к побежденным, но отчасти и по вине Кутузова. Александр, как всегда недовольный действиями Кутузова, решил заменить его Чичаговым, который должен был возобновить войну и миру решительными действиями склонить турок к. Кутузов узнал эту новость из Петербурга от своей жены, и за три дня до прибытия Чичагова успел подписать Бухарестский мирный договор. С тех пор отношения Кутузова с Чичаговым испортились навсегда. Многие в армии полагали, что на Березине “старик жестоко мстил Чичагову”^{xii}. Александру I не следовало допускать, чтобы пути этих людей в дальнейшем пересекались, однако менее чем через полгода Император вновь создал подобную ситуацию с теми же действующими лицами. При вторжении наполеоновских войск в Россию Кутузов находился “не у дел” в своем имении. Александр в это время отступал с войсками 1-й армии от Западных границ России, и не собирался привлекать старого полководца к руководству войсками. Он сделал ставку на своих единомышленников, “новых людей”, которым покровительствовал: Военного Министра генерала Барклая де Толли главнокомандующего 1-й армией, прикрывавшей главные направления, и адмирала Чичагова, который во главе Дунайской армии ждал своего часа на Юге России.

Современники видели в этих назначениях прихоть Императора, несовместимую с угрозой, нависшей над Россией: не время было испытывать спо собности своих избранников. Один из современников заметил по поводу Чичагова: “Какая странная мысль — доверить сухопутную армию адмиралу?”^{xiii} Многие осуждали царя, пренебрегавшего Кутузовым: “...Предубеждения против него с австрийской кампании (1805 г. — *Л.И.*), где он, впрочем, нимало не виновен, доселе остались непреклонными, даже когда Отечество

стало на краю гибели”, — писал секретарь Императрицы Елизаветы Алексеевны Н. Логинов^{xiv}. Дворянство Москвы и Петербурга бросило вызов Александру I — в первые же дни войны обе столицы одновременно избрали Кутузова предводителем своих ополчений, он принял свое назначение в Петербурге, куда вскоре с театра военных действий не по своей воле прибыл Александр I. “...Я пожертвовал для пользы моим самолюбием”, — писал он любимой сестре Екатерине, — “оставив армию, где полагали, что я приношу вред”^{xv}. Душевные переживания Императора усилились еще более в северной столице. “В Петербурге я нашел всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было единодушное желание”^{xvi}, — признался Александр. Однако полномочия Кутузова постоянно ограничивались из Петербурга царем, вмешивающимся во все его распоряжения.

Накануне Бородинского сражения Кутузов направил Чичагову приказ сблизиться с войсками, находящимися на Московском направлении. “Вы легко ныне усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об отдаленных каких-либо диверсиях”^{xvii}, — иронично намекал Кутузов на план “адри атической” экспедиции Чичагова, где адмирал предлагал нанести “отвлека ю щий” удар, высадив десант в Италии. На приказ Кутузова Чичагов высокомерно не ответил. 5 сентября, за день до Бородина, полководец получил предписание Императора, запрещающее перемещать армию Чичагова. Решившись на генеральную битву, Кутузов уже знал, что обречен на отступление независимо от результата и что командует он фактически только 1-й и 2-й армиями, бывшими у него под рукой. Он принял сражение на Бородинском поле, а потом, не слушая ничьих советов, прошел с армией прямо через Москву, потому что знал, что только так он сможет оторваться от преследования и спасти то, что осталось от обеих армий Багратиона и Барклая. “Кутузов между Бородином и Москвой должен был выстрадать века целые”^{xviii}, — написал очевидец. Через неделю после оставления Москвы он отдает Чичагову новый приказ: “Идти к Могилеву, на Смоленскую дорогу и далее к помянутой линии, как для сближения с здешними армиями, так и для угрожения неприятельского тыла и пресечения всякого сообщения его”^{xix}. Кутузов, представляя себе дальнейшую перспективу ведения войны с учетом климата и пространства России, отдавал соответствующие

распоряжения всем российским армиям, разбросанным на обширной территории пока без всякой связи друг с другом. “Скоро все наши армии, то есть Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет”, — успокаивал Кутузов родственников в письме от 27 сентября^{xx}. Он верил в успех своего плана даже тогда, когда к нему в штаб явился адъютант Императора полковник А. Чернышев с рескриптом “о новых военных предположениях”, датированным 12 сентября, т.е. отправленным еще до того, как Александр I узнал об оставлении Москвы неприятелю. В плане, привезенном из Петербурга, впервые была высказана идея окружения неприятельских войск на Березине или на реке Уле: с севера должен был нанести удар корпус Витгенштейна, с юга — армия Чичагова, в то время как главные силы под командованием Кутузова будут “гнать” французов с востока на запад. С точки зрения кабинетного стратега, каким являлся Александр I, план был безусловно хорош. Но для Кутузова план, существующий на бумаге, разительно отличался от того, что происходило в действительности, начиная с того, что сам факт пребывания Наполеона в Москве не учитывался. Теоретически выходило так, что армия Кутузова уже перешла в контрнаступление. В плане не было указаний, с какими силами Кутузов должен был достигнуть такого успеха, пока резервов к нему не поступало. Обратиться в бегство войска Наполеона и преследовать их до соединения с войсками Витгенштейна и Чичагова было в тот момент довольно сложно. Кутузов рассчитывал на содействие этих армий для освобождения Москвы. На необходимости их поддержки он настаивал в своем ответном отношении к царю от 22 сентября, намекая на неудобство в исполнении присланных ему распоряжений и настаивая, чтобы Чичагов “сколь можно скорее приблизился к окрестностям Могилева”^{xxi}. Император ничего не ответил Кутузову, впрочем так же как и Чичагов. Для Кутузова исход этой ситуации был очевиден. Во-первых, он знал и говорил всем: “Мы имеем дело с самим Наполеоном! А таких воинов как он, нельзя остановить без ужасной потери. Для нас довольно и очень довольно выгнать его из России и уничтожить посреди бегства”^{xxii}. Во-вторых, как отмечали современники, “Кутузов участвовал во многих сражениях и получил уже тогда настолько опыта, что свободно мог судить как о плане кампании, так и об отдаваемых ему приказаниях. Ему легко было

различить достойного начальника от несоответствующего...^{xxxiii}
Реальность, окружавшая Кутузова: Наполеон в Москве, отсутствие точных сведений о Чичагове и Витгенштейне, нежелание Александра I обсуждать с ним какие-либо перспективы военных действий — все это позволяло фельд-маршалу в течение длительного времени вообще не думать о плане, присланном так некстати из Петербурга, и ничего, кроме раздражения, не вызвавшего.

18 октября армия Наполеона оставила Москву. Армия Кутузова, за месяц пополнившись резервами, осторожно двинулась вслед за уходящим противником. Александр I постоянно требовал реванша за потерю Москвы, но фельдмаршал сознавал, что ни бой под Тарутином, ни сражение под Малым Ярославцем, ни Вязьма пока не дают повода думать о полном разгроме еще достаточно сильной армии Наполеона. Главное, что сдерживало Кутузова и заставляло его обуздывать воинственный дух его армии, так это отсутствие известий о готовности войск Чичагова и Витгенштейна, что в этом случае было очень важно. Все, кто упрекает Кутузова в нерешительности, рассматривают действия лишь его главной армии, представляя себе сюжеты, связанные с фланговыми русскими группировками, как нечто совершенно отдельное. Так, 21 октября, уже под Вязьмой, Кутузов писал сенатору Д. Трощинскому о своих трудностях с Чичаговым: “Адмирал, который имеет сильную армию, должен бы действовать на сообщения неприятельские и тем способствовать мне, но он так что-то скромн, что и не рапортует мне о том, что делает”^{xxxiv}. Сведения, полученные Кутузовым от Чичагова уже после сражения под Вязьмой 27 октября, не только не обнадежили, но озадачили фельдмаршала: Чичагов известил его о намерении произвести “диверсию в Герцогстве Варшавском”. При отсутствии согласованности в действиях со своими ближайшими помощниками Кутузову, действительно, приходилось быть очень осторожным. Он, фактически, следовал в “неизвестность” за армией Наполеона, который стремился к своим базам и сохранившим боеспособность корпусам. “Постоянно была мысль князя Кутузова о том, на что может решиться Наполеон в крайности, в отчаянных обстоятельствах, и что не существует опасного и отчаянного предприятия, на которое не вызвались бы приверженцы Наполеона, когда он покровительствует им”^{xxxv}, — утверждал генерал Ермолов. Кутузов неоднократно запрашивал от Александра I сведения

о Чичагове и Витгенштейне, настаивая на подчинении их обоих себе. Император, очевидно, оценил опасность ситуации и принял меры. Первым дал о себе знать П. Витгенштейн: фельдмаршал получил копию его рапорта царю о победе под Полоцком 18–19 октября. Наполеон, узнав, что войска Г. Сен–Сира потеряли Полоцк и отступили за Двину, спешно двинулся от Вязьмы к Смоленску, опасаясь выхода Витгенштейна на дорогу Смоленск — Орша. Кутузов же организует параллельное преследование, охватывая левый фланг неприятеля, в надежде, что ему удастся совместно с подоспевшим Витгенштейном нанести поражение ослабевшим войскам Наполеона у Смоленска при переправе через Днепр, не доходя до Березины и не дожидаясь дунайской армии. «Ибо отдаленность адмирала Чичагова так велика, что он более имеет удобства расстроить Виленскую конфедерацию нежели участвовать в поражении неприятельской главной армии»^{xxvi}, — с сарказмом писал Кутузов Витгенштейну 14 ноября, т.е. всего за 10 дней до решающих событий на Березине. Судя по этому документу, Кутузов решил рискнуть: вступить в сражение с Наполеоном, и в случае успеха поставить перед фактом и Александра I, и где-то затерявшегося Чичагова. Кутузов в общем-то правильно оценивал состояние неприятельской армии: физически она была изнурена долгими и быстрыми переходами, голодом, ранними холодами, а разоренный Смоленск подорвал ее моральное состояние. Сильный удар при помощи войск Витгенштейна мог бы ее сокрушить. Но Кутузов знал Витгенштейна только по его рапортам. По мнению сослуживцев, этот генерал обладал рыцарским характером и полным отсутствием военных талантов. «Мужественный, но недалновидный защитник Петербурга»^{xxvii} сильно преувеличивал в донесениях значимость своих побед. Так, Кутузов полагал, что корпус Г. Сен–Сира разбит полностью и как военная сила более не существует. Кутузов вряд ли добился бы успеха у Смоленска с таким сотрудником. Но, к своему счастью, 15 ноября он получил известие от адмирала Чичагова, направлявшегося в Минск, а оттуда в город Борисов на Березине, где и было назначено соединение трех Российских армий. Таким образом, сам собой отпал план Кутузова и формально вступал в силу план, начертанный Александром I. Конечная цель предприятия была ясна. Вопрос заключался в практическом осуществлении. С той минуты, как Чичагов и Витгенштейн вышли на исходные позиции, их роль

становилась главной. Они должны были преградить дорогу самому Наполеону, какой бы путь он не избрал. Задача армии Кутузова, естественно, делалась более скромной. Его сильно утомленные войска преследовали главные силы Наполеона, стремясь определить направление, которым он пойдет, переправясь через Днепр. Кутузов выделил довольно сильный авангард в составе войск генералов Милорадовича, Ермолова и Платова, который должен был подоспеть на шум битвы.

С самого начала наиболее вероятным считалось движение противника в Литву. По дороге Наполеон рассчитывал соединиться с корпусами Удино (Сен-Сира) и Виктора. Судя по переписке Кутузова с 19 (7) ноября ситуация стала обостряться. Александр I выразил опасения за судьбу корпуса Витгенштейна, который мог быть раздавлен соединившимися главными силами Наполеона, Виктора и Удино. В тот же день Кутузов отдал приказ усилить корпус Витгенштейна войсками Платова и Штейнгеля, доведя его численность до 45 000. 20–21 ноября Витгенштейн известил Кутузова о полной победе, одержанной им при Чашниках над войсками Виктора. Все еще уверенный в способностях этого генерала, Кутузов ставит перед ним конкретную и очень важную задачу, от решения которой зависит судьба всей операции: разбить Удино и Виктора поодиночке, не допустив их соединения с главными силами Наполеона. Сразу оговоримся: Витгенштейн с этим не справился, после чего успех всей операции стал сомнителен. Современники и историки упрекают Витгенштейна в том, что он опоздал к месту сражения, однако он “провинился” гораздо раньше. 22 ноября Кутузов отдает распоряжение Чичагову: удержать стремление Наполеона с его главными силами на город Борисов, в то время как Витгенштейн справится с Удино и Виктором, а главная армия Кутузова нанесет удар с тылу. Для сведения Чичагова Кутузов указал еще два возможных варианта движения войск Наполеона: через Борисов правым берегом Березины к Минску или из Бобра на Игумен, Минск, Несвиж. Причем Кутузов отметил, что последнее направление будут контролировать главные силы армии.

Далее события развивались совсем не по плану. Французский император был не из тех, кому навязывают правила игры, тем более такие люди, как Витгенштейн с Чичаговым. Пока Кутузов с главными силами в деревне Дубровка ожидал сведений о том, какую дорогу

изберет Наполеон, генерал Ермолов, как явствует из его письма к Витгенштейну от 23 ноября, “потерял неприятеля из виду”^{xxviii} при переправе через Днепр. Французы соединили свои силы, включая корпуса Удино и Виктора в треугольнике Черя — Бобр — Лошницы, всего в одном переходе от Борисова. Витгенштейн, по словам Ермолова, “был кругом обманут французами”^{xxix}, и ему была поставлена новая задача — по крайней мере, не потерять корпус Виктора из виду. Если Витгенштейн вел себя пассивно, то Чичагов в это время, в силу своего бес покойного характера, развил труднообъяснимую активность. И хотя он полностью оправдывает себя в своих “Записках”, воспоминания его подчиненных, хранящиеся в Российском Государственном военно-историческом архиве, позволяют взглянуть на него более критично. 21 ноября авангард генерала И. Ламберта блестящей атакой овладел Борисовым, обнаружив в одном из домов письмо Наполеона генералу Брониковскому, где сообщалось, что 22 ноября в Борисове будет располагаться Главная квартира Великой армии. К изумлению Ламберта, Чичагов этой информацией полностью пренебрег, расположив в этом городе, в тылу которого находилась река, свою собственную главную квартиру, а также казну, обоз и раненых. Главные силы Дунайской армии были оставлены им на другом, правом берегу. Эта ошибка Чичагова, имевшая самые пагубные последствия, отмечается всеми участниками сражения, также как и заносчивая самонадеянность адмирала, не способного выслушивать советы. Его действия 23 ноября вообще не поддаются объяснениям: одни считают, что Чичагов решил сам атаковать французов, выслав авангард генерала Палена II на деревню Логиницу; другие утверждают, что напротив, когда ему сообщили, что в одном переходе от Борисова находятся французы, адмирал объявил эти сведения вздором и выдумкой и приказал накрывать столы к обеду; наконец, третьи полагают, что Чичагов направил свой авангард для установления связи с Витгенштейном, который должен был соединиться с ним в Борисове. Но день закончился плачевно. Позже его итог с иронией подвел Кутузов в Рапорте Александру: “...Авангард под командою графа Палена, будучи встречен в 10-ти верстах от Борисова всею ...неприятельскою армиею привел оную на плечах своих в Борисов в то время, когда в оном Главнокомандующий спокойно обедал.”^{xxx}

Следствием была потеря обозов, казны, всех раненых. В адрес адмирала штабс-капитан квартирмейстерской части С. Малиновский заметил, что тот “почти сам способствовал своему поражению”^{xxxix}.

Итак, потеря Борисова создала для Наполеона благоприятную возможность вырваться из окружения, переправившись через Березину. Соратники Чичагова надеялись, что он не допустит этого, заняв “крепкую позицию у Стахова, прикрытую лесами” и приложит силы к тому, чтобы произвести разведку возможных мест переправы французов, и, как советовали многие генералы, послать наблюдательные отряды в обоих направлениях вдоль берега. Однако Чичагов замкнулся на рассуждениях о возможных планах Наполеона, и из письма Кутузова от 22 ноября он уяснил только, что цель Наполеона — соединиться с войсками Шварценберга на линии Минск–Несвижслоним, хотя Кутузов высказал лишь один из возможных вариантов. Но если Чичагов хотел его проверить, то, по мнению своих опытных соратников — генералов Щербатова, Ламберта, Ланжерона, Красовского и др. — ему следовало “с главными силами оставаться в центральной позиции против Борисова”^{xxxix}, а “не ставить себя на фланг неприятельской армии”^{xxxix}, и предвидеть возможность переправы у Студенок, на которую ему указывали как на выгоднейшую с точки зрения артиллерийского прикрытия. Те же авторы воспоминаний, составленных по просьбе историка А.И. Михайловского–Данилевского, отмечали, что “позиция на правом берегу Березины, на реке близ Стахова на половине дороги от села Брили к Борисовским укреплениям представляла много естественных преград, которые мог использовать оборонявшийся”^{xxxix}. Вместо этого, как известно, 24 ноября Чичагов предпринял движение к деревне Шабашевичи, где утром 25 был извещен о переправе французов у Студенок, куда смог вернуться лишь 26 вечером, не имея уже ни физических, ни, главным образом, моральных сил препятствовать этому событию. Соратники Чичагова настаивали на немедленной атаке неприятельских войск, скапливающихся на правом берегу. Оставалось еще время и для уничтожения гатей через Зембинское дефиле и моста через р. Гайну, хотя в этом вопросе мнения уже разошлись. Некоторые генералы опасались, что Наполеон, увидев себя отрезанным от Литвы, прорвется с войсками вдоль правого берега на Минск, где находились

его базы, что было бы еще хуже для русских^{xxxv}.

27 ноября адмирал весь день наблюдал за переправой, совещался, медленно собирал войска, рассредоточенные вдоль реки. Только отряд генерала Чаплица, которого Кутузов позже немилосердно обозвал “дураком и коровою”^{xxxvi}, весь день провел в перестрелке, вместо того чтобы уничтожить гати через Зембинское болото. 27 вечером у Студенок на “хвосте” у корпуса Виктора появился долгожданный Витгенштейн. Как ни странно, его прибытие усугубило положение войск Чичагова: заметив появление новых сил у русских, французы ускорили переправу, усиленно концентрируясь на правом берегу. Примерно в то же время прибыли войска генералов Ермолова и Платова. Как видно из этой ситуации, начальников у русских хватало, но командовать было некому. Чичагов изложил им “предположения к атаке”. Но как опытным военачальникам следовало относиться к адмиралу, не имевшему опыта полевых сражений, если неприятельскими войсками командовал Наполеон? 28 ноября корпуса Удино и Нея, сосредоточившись в колонны, были готовы к атаке. С ними был и их Император. По поводу адмирала в армии распространился анекдот: “Когда Чичагов..., решил атаковать французов, он, по мнению некоторых, обратился к своему начальнику штаба И.В. Сабанееву, сказал ему: “Иван Васильевич, я во время сражения не умею распоряжаться войсками, примите команду и атакуйте неприятеля”^{xxxvii}. И действительно, участники боя свидетельствуют, что ими распоряжался генерал Сабанеев, сразу допустивший ошибку: в то время как неприятель концентрировался для прорыва, он почти две дивизии “рассыпал в стрелки”^{xxxviii}. И русские войска, несмотря на свое численное превосходство, не смогли удержать отчаянного натиска колонн. “В десять часов утра 29-го числа Наполеон вступил в Зембинское дефиле”^{xxxix}, — констатировал исход этой военной операции генерал Ермолов.

С того времени не затихают споры: как случилось, что армии Наполеона удалось избежать неминуемого плена? Многие современники, а затем историки и тогда, и сейчас обвиняют М.И. Кутузова, безусловно, самую крупную фигуру среди русских военных деятелей той поры. Некоторые считают, что с его стороны было стремление навредить авторитету Чичагова, оплатив за прежние

обиды. Это мнение представляется нам наивным: адмирал не по вине Кутузова попал в сложное и неловкое положение. Умысла со стороны фельдмаршала здесь, очевидно, не было: Чичагов сам сообщил ему преувеличенные сведения о численности своих войск^{xi}, избегал советов старого полководца. Неосновательными являются обвинения генералов А. Ермолова и Д. Давыдова в адрес Кутузова, якобы умышленно проставлявшего неверные числа на письменных распоряжениях Чичагову^{xii}. Фельдмаршал поступал так с ведома Александра I, которому сообщил, что, не ведая местонахождения Дунайской армии, числа будет выставлять на исходящих бумагах приблизительно, и уже в этом заметна порочность кабинета того плана. Для Кутузова было неожиданным свое разочарование в Витгенштейне, который не выполнил ничего из того, что от него требовалось. “Отдельные действия Витгенштейна оправдать нельзя, а могут они только прощаться ради тогдашней славы его”^{xiii}, — говорил Кутузов. Нельзя признать справедливыми упреки в том, что фельдмаршал не торопился к месту сражения. Он выслал вслед за армией Наполеона сильные и наиболее боеспособные войска под общим командованием генерала Милорадовича, главные же силы его армии сами нуждались в отдыхе. Так, офицер штаба А.Б. Голицын вспоминал: “Кутузов после сражения под Красным... решил не изнурять войско свое усиленными маршами”^{xiiii}. Вот слова фельдмаршала по поводу их состояния: “Я желаю, чтобы существование большой нашей армии стало для Европы действительностью, а не химерою...”^{xlv} Кстати, о Европе. Англичане усиленно обвиняли Кутузова в том, что он сознательно выпустил Наполеона из России. Так, английский эmissар в штабе русской армии сэра Р. Вильсон писал о Кутузове довольно резко: “Он просто старый прожженный плут, ненавидящий все английское...”^{xlv} Сэр Вильсон требовал от английского посла в России лорда Кэткарта добиваться у Александра I отставки Кутузова, обвиняя его в пристрастиях к Наполеону. Фельдмаршал, действительно, произнес фразу, что “ему достаточно видеть неприятеля уходящим из России”^{xlvi}. Если не сам Наполеон, то французы, в отличие от англичан, вызывали большие симпатии у Кутузова. Накануне своей смерти во время похода по Германии в 1813 г., Кутузов успел сделать последний подарок своей горячо любимой жене: он просил Императора разрешения возобновить

постановку французских пьес в Петербурге, которые были запрещены в 1812 г. 19 февраля 1813 г. состоялся первый спектакль^{xlvii}. Кутузов учитывал тот факт, что в среде русского офицерства французы всегда вызывали больше уважения, чем союзники: австрийцы, пруссаки, особенно англичане, по поводу которых в России шутили: “Они так ненавидят Наполеона, что готовы воевать до последнего русского солдата!” Мож но предположить, что Кутузов, как опытный военачальник, вообще не верил в возможность пленения Наполеона и старался, как мог, избежать ненужных жертв.

Что касается его отношения к Чичагову, то по свидетельству современников, “Кутузов говорил с насмешкою, что простить даже можно Чичагову по той причине, что моряку нельзя уметь ходить по суше и что он не виноват, если Государю угодно было подчинить такие важные действия в тылу неприятеля человеку, хотя и умному, но неведающему военного искусства...”^{xlviii} На наш взгляд, мнение Кутузова, определившего главного виновника и причину неудачи, справедливо.

В заключение хочется добавить, что старый фельдмаршал, наверное, изменил бы самому себе, если бы не отправил после событий на Березине письмо Чичагову, где поместил такие двусмысленные строки: “Лестно всякому иметь такого сотрудника и такого товарища, какому я имею в Вас”^{xlix}. Очевидно это была самая суровая месть, на которую был способен Кутузов. Сам же Чичагов вскоре навсегда покинул свое Отечество с обидой на всех, кроме себя.

Примечания

ⁱ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995, с.143.

ⁱⁱ Литературное наследство. Т.91. М., 1982, с. 402.

ⁱⁱⁱ *Давыдов Д.В.* Сочинения. В 3-х т. Т.2. М., 1895, с.125.

^{iv} *Ланжерон А.Ф.* Записки // Русская старина. 1907, № 9, с. 273.

^v Там же, с.327.

^{vi} *Тарле Е.В.* Избранные произведения. М., 1994, с. 427.

^{vii} Русская старина. 1873, № 8, с. 160.

^{viii} *Ермолов А.П.* Записки. М.,1991, с.255.

^{ix} *Толстой Ф.П.* Записки // Русская старина. 1873, № 2, с.

^x *Ланжерон А.Ф.* Указ.соч.,с. 267.

^{xi} *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып.IV.

-
- Вильно, 1907.
- ^{xii} Русский архив. 1893, № 8, с. 466.
- ^{xiii} Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870.
- ^{xiv} Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1990, с. 210.
- ^{xv} *Николай Михайлович, вел.кн.* Переписка императора Александра I с сестрой вел.кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910, с. 86–93.
- ^{xvi} Там же.
- ^{xvii} Фельдмаршал Кутузов, с. 167.
- ^{xviii} Русский архив. 1873, № 3, с. 169.
- ^{xix} Фельдмаршал Кутузов, с.202.
- ^{xx} Там же, с. 211.
- ^{xxi} Там же, с. 206.
- ^{xxii} Русская старина. 1873, № 8, с. 162.
- ^{xxiii} *Ланжерон А.Ф.* Указ.соч., с. 267.
- ^{xxiv} Фельдмаршал Кутузов, с.231.
- ^{xxv} *Ермолов А.П.* Указ.соч., с.253.
- ^{xxvi} М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV, ч.2. М., 1955, с. 230.
- ^{xxvii} *Давыдов Д.В.* Указ.соч., с. 121.
- ^{xxviii} М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV, ч.2, с. 379.
- ^{xxix} *Давыдов Д.В.* Указ.соч., с. 126.
- ^{xxx} Фельдмаршал Кутузов, с. 246.
- ^{xxxi} *Харкевич В.И.* Указ.соч., с. 88.
- ^{xxxii} Там же, с.55.
- ^{xxxiii} Там же, с. 88.
- ^{xxxiv} Там же, с. 63.
- ^{xxxv} *Ермолов А.П.* Указ.соч., с. 251.
- ^{xxxvi} *Давыдов Д.В.* Указ.соч., с. 124.
- ^{xxxvii} *Харкевич В.И.* Указ.соч., с. 58.
- ^{xxxviii} *Ермолов А.П.* Указ.соч., с. 253.
- ^{xxxix} Донесение адмирала Чичагова от 15(3) ноября 1812 г. // М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV, ч. 2, с. 283.
- ^{xl} *Давыдов Д.В.* Указ.соч., с. 122.
- ^{xli} Фельдмаршал Кутузов, с. 206.
- ^{xlii} Там же, с. 434.
- ^{xliii} Там же.
- ^{xliv} Там же.
- ^{xlv} Вильсон Р. Т. Дневник и письма 1812–1813. М., 1995, с. 79.
- ^{xlvi} Фельдмаршал Кутузов, с. 241.
- ^{xlvii} Российский архив. Т. VII. М., 1996, с. 248.
- ^{xlviii} Фельдмаршал Кутузов, с. 433
- ^{xlix} Там же, с. 267.